Бывает, что удивительно правильное и мастеровито сделанное стихотворное произведение не несет в себе ни малейшей искры истинной поэзии. А бывает, прочтешь: вроде и странненькое оно, и корявенькое даже... Но это если изучить его внимательно, разобрать, как конструктор: рифма, ритм, содержание... А его под микроскоп научного разбора засовывать не хочется! Потому что оно вот такое как есть — до слез, на едином вздохе... Наверное, это как с кошкой — чтобы понять, почему она мурчит и чем этот звук производит, надо ее разобрать. Но разобранная кошка не мурчит!

Элина Сухова

Человечки

1. Велосипедист

Вот этот велосипедист,
Отбившийся от стаи, —
О, как блестят его глаза
И крутятся педали!
Как он стремглав летит вперед,
Полет его неистов,
И как ему недостает
Таких как он — педистов!

И хлещет дождь ему в лицо,
И города мелькают,
И тучи рвутся вслед за ним
И в пыль не попадают...
А я гляжу ему вослед,
И воздух жаром пышет,
И хочется ему сказать...
Но он уже не слышит.
А мне всего-то пожелать...
Но он уже промчался —
Чтоб он с подобными себе
Другими повстречался!
Он тоже мог бы пару слов,
Пока и я не скрылась:
Чтоб я когда-нибудь к своим
Каким-нибудь прибилась...

2. Мясник

Фыркает: «Ишь, понаехали тут!
Нафиг их столько!»
А ведь и сам понаехал...
Давно. Дело былое...
Вынесло эхом обвала страны —
«Что вспоминать-то?
Степь да хрущобы, жара, комбинат.
Делали что-то».
Глухо врубается в тушу топор.
«Главное, знаешь —
Там совершенно, пойми, никакой
Нет, блин, культуры!»
Спрячет ухмылку в табачных усах,
Обсчитает, обвесит.
«Ишь, понаехали!
Что им тут, блин?
Понаехали, блин,
Понимаешь!»

3. Газонокосильщик

Газонокосильщик
Свое тра-та-та
У дороги.
Длинна и пыльна его жизнь,
Как обочина трассы.
У всех на виду он,
Но словно в другом измеренье,
Никто к нему не подойдет,

Ни о чем не попросит.
А этот, мелькнувший в авто,
Пролетающем мимо,
И рядом жена — гур-гур-гур,
Бла-бла-бла, трали-вали,
О чем-то своем, неумолчно.
Но все, что о женах
Вам следует знать, —
Это вовремя «да, дорогая».
И «да, дорогая»,
Но глянешь случайно в окошко:
Ах, ножки, ах, попка,
Какая девчонка шагает!
Бу-бу в телефон,
И толкает коляску с ребенком.
А он — бе-бе-бе, тра-ля-ля,
Во всю детскую силу.
И плачет, и хочет быть понятым,
Понятым! Впрочем,
Привыкнет, остынет, забудет.
Себе заведет и комбез,
И очки, и косилку,
Машину, жену, телефон,
Будет прочих не хуже.
Не хуже, не хуже!
Такой же
Газонокосильщик...

4. Тетка

Толстая тетка
В пестрой кофте
С китайского рынка
И шароварах нелепых
Голубей выпускает из клетки
Возле районного ЗАГСа.
Люди дивятся:
Неужто выходит замуж?!
Люди смеются — вот ведь,
И на такой горшок,
Глянь-ка,
Нашлась покрышка!
А она окольцована
Так давно и крепко,
Что позабыла
Чувство полета.
Варит мужу борщи
И моет кастрюли,
Картошку копает

И нянчит второго внука...
А она просто так
Голубей выпускает,
Просто
Их упругие тельца
Кидает навстречу небу,
Чтоб у кого-то,
Хоть у кого-то в мире
Была
Свобода...

5. Беременная

Ефим, Евсей, Еремей,
Евлампий, Ермил, Евстрат,
Лишь бы на букву Е —
Выберу наугад.

Е потому что ерш
Вашу мать, дорогой дневник,
А из чтенья доступны мне
Только сонник и именник.

Снится едкая, злая страсть,
Елки-палки, тесовый двор,
Сам процесс и то, что потом, —
Елисей? Елизар? Егор?

Снится тот, кто сидит внутри,
Распирая собой живот
И кого так легко убить,
Пока он еще не живет.

Потому что зачем самец?
Проходимец, багдадский вор,
Бык, козел, кобель, жеребец
С мутным взглядом пустым в упор.

А увидела —
Светлую, словно день,
Белую, будто снег,
Нежную, как цветок.
И никакой-то пакости
Не болтается между ног!
Серафима моя,
Ангелина моя,
Лучше нет на земле,
Ни единого пятнышка
На крыле!